

ВОСПОМИНАНИЯ

ЛЮБЕНА ГРИУА

полковник артиллерии 3-го кавалерийского корпуса. Впоследствии маршал Франции.

Улицы, еще не тронутые пожаром, походили на настоящую ярмарку, где и купцы и покупатели были военные, — было не видно ни одного обывателя, по мере того как пламя достигало рынка, он отодвигался дальше. Солдаты всех полков и отрядов, привлеченные надеждой наживы, а также и необходимостью, покидали свой лагерь и, несмотря на строгие запрещения, стекались в Москву, нагруженные сахаром, кофе, дорогими мехами и всевозможным платьем. Они делались купцами, и офицеры всей армии покупали у них за деньги всевозможные припасы. Большинство из солдат, для которых покинутые погреба представляли легкую добычу, валялись пьяными и полумертвыми посреди груды осколков от бутылок, которыми были засорены все улицы. От такого поголовного пьянства происходили часто драки, сопровождавшиеся кровопролитием. Я был свидетелем одной подобной сцены. Однажды я увидел около дверей гостиницы солдат, нагруженных бутылками; я подошел, чтоб купить у них вина. Через довольно узкую опускную дверь, с помощью лестницы выходили они из подвала, в глубине которого стоял страшный шум — было ясно, что там в темноте спорили и дрались. Вскоре из подвала показался ужасно бледный драгун, залитый кровью и вином. Он сделал несколько шагов, упал и здесь уже на улице, умер, окруженный бутылками, которые он держал и с которыми решил расстаться, только умирая. В драке он получил смертельный удар саблей. В этот самый момент, привлеченный криками и суматохой, прибыл сюда главный интендант генерал Матье Дюма (Mathieu Dumas). Размахивая шпагой направо и налево, он добрался до входа в подвал. Здесь, схватив за волосы первую голову, которая снова оттуда появилась, он узнал... своего повара, который поднимался, нагруженный бутылками, полупьяный и весь запачканный вином и кровью. В высшей степени любопытно было наблюдать удивление, гнев и досаду генерала при виде своего слуги, вылезающего среди дружного хохота солдат. Он его угостил несколькими ударами нешашкой, а ногой и удалился, не надеясь обуздать разбушевавшиеся страсти, которые успели принять такие грандиозные размеры. Солдаты отыскивали груды металлических пластинок, из которых некоторые весили до 10-ти фунтов. Это не был, насколько я могу судить, сплав олова и цинка, а пластинки имели цвет и блеск серебра; говорят, их вытащили из кладовой Монетного двора. Все с жадностью набрасывались на эти драгоценности, предпочитали их всему; это было и последним, с чем расстались солдаты во время отступления; я видел много раз подобного рода слитки, падающие из мешка несчастных, которые изнемогали в дороге, и эта ноша, увеличивая усталость, без сомнения, ускоряла их смерть.

Гриуа